

РОДНИК — странаца

Мечта и будни

«МОИ СПЕКТАКЛИ — ОБ ОДНОМ...»

ПОРТРЕТ РЕЖИССЕРА ЮЛИУСА ДАУТАРТАСА НА ФОНЕ ПАНЕВЕЖСКОГО ТЕАТРА

2 июня Паневежский драматический театр начинают гастроли в Вильнюсе, на сцене Государственного академического театра драмы.

...В конце последней недели апреля шли три спектакля в постановке Юлиуса Даутартаса: в пятницу — «Открой, ангел, книгу времени» Р. Буйдйтиса, в субботу — днем и вечером — «Три сестры» А. Чехова, в воскресенье — «Миколас Галискис» Ю. Грушаса, также днем и вечером. Поэтому в театре — и в комнате Мильтиниса, как ее называет молодой режиссер, хотя она теперь принадлежит ему, и в актерских уборных — ощущалась атмосфера сосредоточенности и подъема.

Заключившаяся «Ангел...» — спектакль, необычный не только для Паневежского, но и для всего литовского театра. Эпопея, или мистерия о человеке в времени, о жизни и истории. Три столетия стремительно пролетают в предсмертных видениях. Карлаус Рудавалис видит прошлое своего рода, повороты истории. Три столетия, исполненные утрат и надежд. Спектакль поставлен по этюдному прищипу, каждая сцена в достаточной мере самостоятельна. Вег времени, события по-своему комментирует Черная Женщина (акт. Д. Мелемайте), в которой танец начало отрицания и смерти, для нее нет тайн, она ведет Карлауса Рудавалиса (акт. А. Вабкаускас) по тропам истории его рода.

«Ангел...» — спектакль о человеке, который видел и хорошее, и плохое, знал подвиги и славы, но не признавал компромиссов. Вся жизнь, даже в самые трудные минуты, не оторвалась от своего края и любви к нему. История ломала его, пыталась изменить, но он остался таким, каким был, — великим в своей любви к родной земле, — говорит Юлиус Даутартас.

— Как ты думаешь, چگونه будущее нашего театра, его перспективы? Может ли литовская сцена создавать, например, авангардизм, театр абсурда?

— У авангардистского театра была суть, иные философии и эстетические принципы. Возможно, даже истоки другие, чем у реализма. Поэтому и ставили авангардистские пьесы надо иначе. Тут главное — форма спектакля, элементы гротеска, трагикомедии, фарса, а не различные характеры или логика действия.

— Лет десять назад И. Вайкус прекрасно поставил «Королу Убу» А. Жюльи, отблески «эстетского театра» заметны и в его постановке «Книга» Г. Галискиса, а в недавнем удивительном спектакле «В ожидании Годо» С. Беккета...

— Это, конечно, неплохо, но где наши драматурги? Не думаю, что к нам уже приходят авангардизм. Авангардизм — это прежде всего специальная драматургия. Мы, литовцы, этим не располагаем. Видимо, еще нет необходимости. Мы — традиционалисты.

Даже наши наименее постановки классики традиционны. Никакого авангардизма, только новые мотивы прочтуть по-новому произведение, выхватить новые акценты. Авангардизм — это, пожалуй, синкретизация классики и современной жизни. В этом направлении работает драматург Л. Петрушевская. По-моему, авангардистскую пьесу в Литве написала Роланде Растаускас. Она типична в отношении традиций, страны и времени, персонажи (пьесе Р. Растаускас «Вертузский треугольник» мы сможем прочтуть в будущем году в альманахе «Вейдай» — Л. М.).

— Ну, а новейшая работа — «Триумфатор» Р. Галискиса? Интересная форма, стилистика, действие, световые, акцентные, музыка, сюрреалистический «заряд»...

— Могу сказать только, что актеры с режиссером в своем театре начинают искать свой стиль, свою манеру. По-моему, в литовском изобразительном искусстве и музыке больше, чем в театре, попытки заглянуть в завтрашний день, экспериментировать. Молодые художники и музыканты Литвы расселяются в основном числом учителей, чем мы, режиссеры и актеры, уезжая в Москву или Ленинград. У нас слава учитель — уезжие города слабеет. Знаешь, кто был в драматургии подлинным авангардистом? Чехов!

А. Чехов, «Три сестры». Дисковой спектакль проходил прекрасно, вечерний, после смены нескольких актеров, чуть-чуть «артект». Однако суть отпущена. Солируют Ирина и Тузенбах (А. Прейдате и Г. Адамйтис). В стране нет над сценой купюла церквей. Слово город, где происходит действие, словно новая жизнь, на тему которой все вот-вот начнут спорить, словно мечта, которой не суждено исполниться.

Какая начальная драматургия! Все в конфликте, все только и говорят: «Дело надо делать, господа», но не работают. Страдают и одновременно верят, что произойдет чудо, что в их жизни все в корне изменится. Кипит внутри себя, рвется, как птицы, вальс, но крылья связаны повседневностью. А в финале кто-то уезжает. Из потерянного дома, из гнетущего захламления. Кажется, в другую, полную смысла жизнь. Но, увы, — в неизвестность, которая зачастую равноценна звуковой смерти.

— Чехов — подлинный авангардист, — говорит Ю. Даутартас. — Он и Стриндберг создали своеобразный драматический конфликт. Другое — Юджин О'Нил. Тенесси Уильямс — или в этом направлении? В определенном смысле Чехов предвещал и новые времена, в революцию. Он писал о той интеллигенции, которая уходит, а прийти должно нечто новое.

— Как ты работаешь? — По-разному. Иногда да-

Режиссер Паневежского драматического театра Юлиус Даутартас. Фото А. Жялжюса.

же стране. Если говорю, за какое время поставил «Ретро», «Ангел...», «Триумфатор», мне не верят. Теперь, конечно, я бы не смог так прыгать. Я — за поиск своеобразного и неповторимого спектакля. Для этого нужны спокойствие, сосредоточенность, время. Я хочу, чтобы в театре было тихо и спокойно, а бури и страсти бушевали на сцене. Театр — это странное искусство, наверное, самое другое из всех, искусство секунды. Надо почувствовать пульс этой секунды, поймать ритм. У нас, наряду с хоршими спектаклями, актерскими работами, примерами ансамбля, используя выражение П. Брукса, есть много нежизного театра. Нам чужды термин «сериозизм». В театре с высокой этикой могут работать разные режиссеры и актеры. Тогда театр только выигрывает. И диалог — не всегда плохо. Его надо понимать не как муть, а как глубокий внутренний порядок. Ведь и конфликты часто настраивают творчески. Все театральные службы — актеры, режиссер, композитор, осветитель — производственные цепи — должны быть нацелены на спектакль. Я доволен своими сотрудниками — композитором М. Урбайтисом, осветителем А. Зукисом, художником К. Валячином.

Юлиус Грушаса, трагикомедия «Миколас Галискис». Философская драма идей. Главное здесь — не атрибутика историчности, а проникновение в человека, в его суть — какой он в обществе, «на пьедестале», и какой, когда его никто не видит и не слышит, когда охватывают противоречивые чувства. Галискис играет жизнь, делает из нее «дьявольскую комедию», ибо «только здесь поднималась свобода». Стрость разрушения, мощная и неудержимая, ослепляет трагического актёра: «Я полюбил, и я хочу знать, где его предел и что за ним?»

Спектакль сконцентрирован, его интенсивное действие сопровождается хоромы Миндаугаса Урбайтиса.

— Я рад, что поставил «Миколас Галискис», — говорит Юлиус. — Театр Юлиуса Грушаса — это моральный суд, здесь человек — и судья, и подсудимый. Интересно анализировать этот процесс. Я ставил литовскую драматургию не ради «галочки», не для фестивалей. Необходимо создавать национальный театр. А фестивали — это своеобразная точка. Как говорится, главное — не победа, а участие. К сожалению, от-

дельному коллективу фестивалю ничего не даю. Приезжают театры, играют и уезжают. Фестиваль становится праздником для города, где он проводится, а актеры даже не видят работу коллег. Подобные мероприятия надо проводить иначе, согласовывать репертуар с театрами.

Каков же театр Юлиуса Даутартаса? Прежде всего, его основа — хорошая драматургия. Поэтому режиссер может смело ставить, а не делать спектакли. Их надо читать, осмысливать, анализировать. Их душу чуть раскрывают музыка И. Урбайтиса и освещение. Когда сцена тонет в тихом сумраке, свет внезапно «вырывает» золотые купола или акцентирует стоящий в глубине сцены стол, неординарную фигуру Черной Женщины или Аурелию, невесту Галискиса... Впечатление сильное.

Ю. Мильтинис создавал в Паневежиде интеллектуальный театр. Нельзя сказать, что Ю. Даутартас разрушает традиции или продолжает их. Он ищет. Он завершает здесь четвертый сезон, стиль и почерк, пожалуй, не определенно окончательно, но тенденции к интеллектуальному театру идей ощущаются. Что стоит интерпретации «Миколас Галискиса», трагического конфликта «Три сестры»?

Говоря о сегодняшнем Паневежском театре, нельзя умолчать о молодых актерах, которых (правда, немного) учил Ю. Мильтинис, а теперь воспитывает Ю. Даутартас. Это уже упомянутые Аста Прейдате и Гимтарас Адамйтис, который прекрасно отплатил два диаметрально противоположные роли — барона Тузенбаха в «Три сестры» и короля польского и великого князя литовского Александра в «Миколас Галискис». Это Римас Новак, так мастерски виртуозно окупившийся в часе человеческой природы. Это Альбина Келерис, В. Каселас, Р. Тересас, Я. Калдротайте.

...В театре царит тишина. Актер Римас Новак, которого через час вновь одет Миколас Галискис, прислонился к стене за кулисами, нервно сжимает сигарету. Режиссер немного устал, но полон новых замыслов.

— Рыбак кобилас с колокольчиком. И. Друшис — «Маскарад» М. Лермонтова — такими близкими планами. Все мои спектакли — об одном: о смысле жизни, о человеке...

А. ЖЯЛЖЮСЕНЕ.